

УДК: 821.161.1

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ,
ИЛИ КАК БЛАГОДАРЯ НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСАТЕЛЮ
ПОРУЧИКУ ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ
КРОВОПРОЛИТНОЕ СРАЖЕНИЕ
НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ
ПРИБРЕЛО КАРНАВАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Курьянова Валерия Викторовна,

*к. филол. н., ассистент кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: kuryanova_v@mail.ru*

В статье впервые в отечественном литературоведении проводится детальный литературоведческий анализ толстовской песни <«Как четвертого числа...»> и доказывается ее карнавальность.

Ключевые слова: карнавальность, профанирование, сказовость, Л.Н. Толстой, М.М. Бахтин.

К 160-летию сражения на Черной речке

Песня, которая в разных источниках именуется то <«Севастопольской песней»>, то <«Песней про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года»> и начинается словами «Как четвертого числа...», своей творческой манерой сильно отличается от других произведений Л. Н. Толстого 1850-х годов и во многом диссонирует с ними. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что с тех пор **никто из литературоведов к ней как к литературному произведению никогда вообще не обращался**. Кажущееся обилие работ (комментарии к полным собраниям сочинений В. И. Срезневского и Н. И. Бурнашёвой [28, 5], ряд научных и краеведческих работ и статей [см. напр.:23; 24; 22; 25; 7; 8; 6; 17; 18; 4; 33; 35 и др.]), затрагивающих севастопольскую песню Л. Н. Толстого, на проверку оказывается работами по текстологии и атрибуции песни, а также работами по идейной позиции писателя периода Крымской войны. То есть вовсе не работами по поэтике. И это, надо сказать, удивительно, так как песня давно стала неотъемлемой частью севастопольского цикла и обычно публикуется вместе со всемирно известными «Севастопольскими рассказами».

Широкому читателю она известна своей крылатой фразой «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...» – одним из вариантов её строк.

1.

Эту песню Л. Н. Толстой сочинил по горячим следам кровопролитного сражения, произошедшего 4 (16) августа 1855 года на Черной речке под Севастополем. Молодой писатель сам был его участником, но горной батарее, которой он командовал, стрелять не пришлось. Он просто наблюдал происходившее. И можно себе представить, что испытывал, видя эту военную катастрофу.

Событийная канва песни точно воспроизводит конкретные исторические события, однако Н. Н. Гусев, личный секретарь и биограф писателя, автор ряда капитальных биографических трудов о Л. Н. Толстом, считал, что хотя «весь ход сражения 4 августа, включая “овраги”, которые нужно было переходить, в песне Толстого описан совершенно верно», «Толстой, разумеется, не знал в то время всей закулисной стороны этого сражения. Он не знал того, что главным вдохновителем этого сражения был ни кто иной, как Александр II; не знал и того, что главнокомандующий князь Горчаков, как пишет даже официальный историк, начиная сражение, “нисколько не сомневался в его неудаче”, и что поэтому Александр II и Горчаков были более повинны в тысячах жертв этого сражения, чем заплатившие жизнью за свои ошибки генералы Вревский и Ред. Таким образом, окончание песни, относящееся к тем, “кто туда вошел”, непосредственно затрагивало и царя Александра II, и главнокомандующего князя Горчакова. Становится совершенно понятным, что песня эта, ставшая известной в Петербурге, должна была, как писала Толстому его жившая во дворце тетушка, оставить в высших сферах “плохое впечатление” относительно ее автора» [9, 584–585]. Оставляя эти слова видного литературоведа без особых комментариев, замечу лишь, что в них просматривается не только идеологический характер оценки исторических событий, но и обратная сторона такого подхода к литературному произведению – невольное пренебрежение художественными свойствами песни, что остается своеобразной традицией до сегодняшнего дня.

Последовательность событий, легших в её основу, неоднократно излагалась (особенно подробно М. И. Богдановичем [см.: 2], Н. Ф. - Дубровиным [см.: 12], Е. В. Тарле [см.: 30] и А. М. Зайончковским [см.: 14]), и смысл их таков.

Нерешительность командующего Крымской армией князя М. Д. - Горчакова давно вызывали недовольство и раздражение официального Петербурга. С миссией побудить М. Д. Горчакова к активным наступательным действиям из столицы в Севастополь в середине июня 1855 года прибыл генерал барон П. А. Вревский. Едва ознакомившись на месте с

положением дел, он стал настаивать на необходимости предпринять решительные действия, о чем доносил в письмах военному министру князю В. А. Долгорукову: «...оставаться до осени в настоящем положении – значило бы понапрасну истощать собственные силы» [2]. И был поддержан и министром, и, что особенно важно, самим императором Александром II.

Особенность (если ни сказать нелепость!) ситуации заключалась в том, что генерал-адъютант барон П. А. Вревский был придворным генералом, *никогда* не командовавшим *никакими* войсковыми частями.

М. Д. Горчаков медлил с принятием решения, понимая, что наступление не может быть удачным: у армии недостаточно сил для этого. «Было бы просто сумасшествием начать наступление против превосходящего в числе неприятеля, главные силы которого занимают, кроме того, недоступные позиции» [цит. по: 2], – писал он военному министру 5 июля 1855 года. Однако по прибытии трех резервных дивизий он решился атаковать – не лобовые позиции неприятеля, и не укрепления Сапун-горы, а близлежащие Федюхины высоты и гору Гасфорта.

М. Д. Горчакова пытались отговорить от сражения, и, если иметь в виду его личные качества, склонность к зависимости от чужого мнения, в этом вполне могли преуспеть.

Так, 26-го июля генерал Д. Е. Остен-Сакен подал командующему доклад, в котором объяснял, что хотя Федюхины высоты – слабое место неприятеля, но расположены они рядом с хорошо укрепленной Сапун-горой. Даже в случае успеха русских частей, силы коалиции, отступив на Сапун-гору, «с которой, как с птичьего полета, можно было пересчитать каждого человека» [цит. по: 30], через несколько часов очистят захваченные высоты артиллерийским огнем.

Раненный военный инженер генерал-адъютант Э. И. Тотлебен, к которому за два дня до сражения на Бельбек специально для совета как к *авторитетнейшему* специалисту ездил М. Д. Горчаков (в сопровождении генерал-адъютантов П. Е. Коцебу и барона П. А. Вревского), попытался отговорить командующего от авантюры. «По мнению генерала Тотлебена, писал историк М. И. Богданович, удобнее было атаковать неприятеля значительными силами со стороны Корабельной, между Килен-балкою и Лабораторною балкою, но для успеха в том он полагал непременным условием – произвести все предварительные распоряжения к наступлению совершенно скрытно и напасть на неприятеля неожиданно. Сам Тотлебен, несмотря на страдания от раны, занимался тогда составлением плана для предположенного им нападения, не скрывая сопряженных с ним затруднений. Главкомандующий, признав основательность доводов генерала Тотлебена, уже был готов отказаться от предприятия, на которое решался против собственного убеждения» [2], но П. А. Вревский резко заявил, что Э. И. Тотлебену придется нести за это персональную ответственность.

Как вспоминал Д. А. Столыпин, кузен приятеля Толстого, который был ординарцем при начальнике штаба 3-го пехотного корпуса генерал-майоре П. В. Веймарне, уже непосредственно перед сражением задал генералу вопрос о цели этой операции. П. В. Веймарн ответил, что, по его мнению, сражение затевается чтобы «отвлечь на время внимание неприятеля от Севастополя», пока еще не достроен мост через бухту на Северную сторону, и что «даже в случае успеха, если мы овладеем высотами, то к ночи все-таки должны будем отступить» [29, стб. 1362].

Сам государь-император предложил командующему собрать военный совет для решения вопроса о наступательных действиях русской армии. Видя, что М. Д. Горчаков во многом никак не решается взять на себя ответственность за наступление, не понимая, что оно заведомо проигрышное и видя в его задержке только личную нерешительность командующего, он писал: «Дабы облегчить некоторым образом лежащую на вас ответственность, предлагаю вам собрать из достойных и опытных сотрудников ваших военный совет» [14, 139].

28-го июля военный совет состоялся, на нем помимо князя М. Д. Горчакова присутствовали высшие чины Крымской армии: генерал-адъютанты граф Д. Е. Остен-Сакен и П. Е. Коцебу, генерал-лейтенанты А. О. Сержпутовский, П. П. Липранди, А. Е. Бухмейер, С. П. Бутурлин, С. А. Хрулев, Н. И. Ушаков, К. Р. Семякин. На совет прибыли также генерал-адъютант барон П. А. Вревский, начальники штабов генерал-майоры Н. А. Крыжановский, князь В. И. Васильчиков и другие генералы.

Упоминание в толстовской песне генерал-полицеймейстера главного штаба Южной армии А. П. Плац-бек-Кокума, видимо, объясняется уже сатирико-ироническими, то есть художественными задачами: свидетельств о его присутствии на совещании нет.

Видя неготовность некоторых членов военного совета принять столь важное решение, М. Д. Горчаков потребовал от них представить на следующий день своё суждение в письменной форме. И убоявшись, видимо, того, что письменная форма изложения предполагаемых военных действий – это уже документ, на основании которого возможны взыскания, большинство военачальников поддержало предложение, вынужденно выдвинутое командующим, и высказалось за наступление русских войск со стороны речки Черной.

Желаемое для государя-императора мнение было сформировано.

В каком круговороте чувств находился М. Д. Горчаков после окончательного принятия решения, хорошо видно из его письма военному министру, которое он написал вечером третьего августа: «Не следует обманываться, я иду на неприятеля в отвратительных условиях. Его позиция очень сильна», и атака будет предпринята «под прямым огнем неприятеля. У меня 43 тысячи человек; ...неприятель <...> противопо-

ставит мне 60 тысяч. Если, – на что я надеюсь мало, – счастье мне будет благоприятствовать, я позабочусь извлечь пользу из своего успеха. В противном случае нужно будет подчиниться Божьей воле» [цит. по: 30].

Возле Федюхиных высот Черная речка достигает восьми метров ширины и местами переходима вброд, однако во время боя нужно было форсировать еще и облицованный камнем канал, подававший в Севастополь речную воду.

Был разработан и выверен план наступления. Еще до рассвета командующий князь М. Д. Горчаков в сопровождении ближайшего окружения прибыл на свой наблюдательный пункт, который находился на склоне Мекензиевой горы рядом с Новым редутом (в песне: Большой редут). По плану командования, наступление на высоты Телеграфную и Федюхины должно было начаться с двух флангов, которыми командовали генералы П. П. Липранди и Н. А. Ред. В диспозиции было сказано, что войска должны быть на месте к четырем часам по полуночи. Генерал П. П. Липранди атакует Телеграфную гору, а генерал Н. А. Ред в это время открывает артиллерийский огонь по Федюхиным высотам, давая тем самым возможность удержаться атакующим на Телеграфной горе. Обоим начальникам флангов, Н. А. Реаду и П. П. Липранди, М. Д. Горчаков предписывал начинать атаку только по особому приказанию.

Сражение начал корпус генерала П. П. Липранди. Телеграфная высота была взята довольно скоро, и Горчаков отдал распоряжение атаковать Гасфортову гору. Резерв пехоты должен был поддержать атаку П. П. Липранди. Атака на Гасфортову гору началась, как вдруг генерал Н. А. Ред неожиданно повел свои войска на взятие Федюхиных высот. Сильный ружейный огонь сопровождался громким «ура!». Войска Н. А. Реада направились к мосту через речку Черную, заняли предместное укрепление, перешли через мост, а кто и вброд, по шею погружаясь в воду, и начали взбираться на занятые неприятелем довольно крутые склоны средней горы. Позднее утверждалось, что генерал Н. А. Ред, опасаясь пропустить удобный момент для атаки, без специального приказания, едва слышав стрельбу в стороне П. П. Липранди, начал артиллерийский обстрел Федюхиных высот, и, когда адъютант командующего передал ему приказ «время начинать», что и значило начинать канонаду, генерал воспринял это как сигнал к началу атаки. «Я не могу ждать: я имею приказание от князя», – со всей решительностью заявил Н. А. Ред в ответ на доводы его окружения о том, что войска еще не заняли позицию и не подошли резервные части [см.: 15].

Первыми были посланы в атаку три полка 12-й пехотной дивизии под начальством генерал-майора К. А. Мартенау. Его неожиданное нападение на Федюхины высоты должен был поддержать генерал Н. И. Ушаков со своей 7-й пехотной дивизией. Но и здесь случилась неувяз-

ка: получив от генерала Н. А. Реада приказ «начинать», Ушаков не понял, чть конкретно он должен предпринять, и послал адъютанта к Н. А. Реаду с просьбой разъяснить приказание. Так и не получив внятного распоряжения, генерал Н. И. Ушаков двинул свои войска через речку вброд, так как мосты навести не успели, перешел Черную речку и атаковал Федюхины высоты с западной стороны, где французам из ложементов было удобно в упор стрелять в русских солдат. Положение усугубилось еще и тем, что не смогли переправить через речку артиллерию и она осталась на том берегу. Французы тем временем успели получить подкрепление, и успешно было начата атака дивизии генерала К. А. Мартенау захлебнулась.

Узнав о случившемся, М. Д. Горчаков, не имея достаточного количества резервных войск для ведения атак одновременно на Федюхины высоты и на Гасфортовой горе, отменил атаку на Гасфортову гору и направил подкрепления войскам генерала Н. А. Реада. Но спасти положение дивизий правого фланга было уже невозможно: подкрепления вовремя не успели; французы, опомнившись от неожиданной атаки, подкрепленные свежими резервными войсками, отбросили и разгромили атакующих. Результатом всей этой неразберихи были огромные потери среди офицерского и рядового состава русской армии. Убиты были генерал Н. А. Реад, барон П. А. Вревский и многие другие офицеры и генералы. После гибели генерала Н. А. Реада М. Д. Горчаков, видя бедственное положение войск правого фланга, поручил генералу Д. Н. Белевцеву по возможности собрать в беспорядке отступающие, разгромленные полки. Д. Н. Белевцев прискакал на поле сражения к отступающим остаткам русских войск. Приблизившись к кучке солдат, в руках у которых он увидел полковое знамя, генерал высоко поднял это знамя и, крича: «Ребята, вы не знаете меня, но знаете это знамя!» [12, 374] – собрал вокруг себя остатки полка, и отступление было остановлено.

Результат сражения для русских был убийственным. По официальным данным, русская армия потеряла в этом сражении 260 офицеров и 8 010 нижних чинов; по неофициальным, потери доходили до 10 000 (почти половина – убитыми и пропавшими без вести). У союзников выбыло из фронта около 1 800 человек, то есть в 4-5 раз меньше; из них погибло 172 солдата и 19 офицеров.

Эти-то события и стали исторической основой песни, очень не похожей на сами события.

II.

В творчестве Л. Н. Толстого <<Севастопольская песня>> воспринимается как нечто чуждое по ряду причин.

Во-первых, писатель никогда не был сторонником стихотворных форм, а к концу жизни и вовсе отрицал стихотворные тексты в виду их бессмысленности, по его же словам.

Во-вторых, песня эта по форме напоминает шутейную народную песню, а подобная форма более у Л. Н. Толстого нигде не встречается.

В-третьих, своей иронико-сатирико-гротескной направленностью она резко диссонирует с патриотическим пафосом «Севастопольских рассказов». Налицо факт отхода последовательного реалиста от своих творческих принципов. И это не может не вызвать удивления.

Вот на этом третьем пункте следует остановиться особо.

И сначала об эмоциональной стороне дела. Судя по документальным свидетельствам, у Л. Н. Толстого вовсе не было саркастического отношения к прошедшим событиям. Более того, он тяжело их переживал.

В тот же день, в день сражения, 4 (16) августа, он писал из Севастополя своей тетке Т. А. Ергольской в Ясную Поляну: «Сегодня, 4 числа, было большое сражение. Я там был, но мало участвовал. Я жив и здоров, но в душевном отношении никогда себя хуже не чувствовал, сражение было проиграно. Ужасный день: лучшие наши генералы и офицеры почти все ранены или убиты» (90: 59, 325).^{*} На следующий день короткая запись в дневнике: «3 и 4 был в походе и в неудачном, ужасном деле...» (90: 47, 58). Об этом же сражении писал Толстой из Бахчисарая брату С. Н. Толстому 7 августа: «...я все-таки пишу тебе несколько строк, чтобы успокоить за себя по случаю сражения 4-го, в котором я был и остался цел; – впрочем, я ничего не делал, потому что моей горной артиллерии не пришлось стрелять» (90: 59, 327).

Из приведенных слов молодого писателя очень хорошо прослеживается изменение душевного состояния Л. Н. Толстого *сразу* после сражения и *спустя* несколько дней.

В письме Т. А. Ергольской слова в отношении себя вписаны только затем, чтобы тетка не тревожилась, основные же мысли обращены к только что увиденному и пережитому. Центр фразы – «ужасный день», причём подчеркнуто, что «лучшие... генералы и офицеры... ранены или убиты». Как писал М. И. Богданович, «кроме убитых генералов: Реада, Вревского и Веймарна, и раненых: Вранкена, Проскурякова, Тулубьева и Гриббе, показаны князем Горчаковым в числе контуженных: начальник 3-й артиллерийской дивизии, генерал-майор Гагеман – в голову тяжело; командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии, генерал-майор Левуцкий; обер-квартирмейстер 3-го пехотного корпуса, генерал-майор Гротенфельд и командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии, генерал-майор Огарев» [3].

В последовавшей на другой день дневниковой записи на первое место поставлен уже оценочный эпитет «неудачный» – «в неудачном, ужасном деле».

Спустя три дня в письме брату о сражении уже практически ничего не говорится: общественный резонанс от сражения заставляет писать о собственном здоровье, чтобы брат не волновался («был и остался цел»),

а о сражении (опять же в связи с собственной персоной) лишь полу-ироничное – «ничего не делал, потому что... горной артиллерии не пришлось стрелять».

В воспоминаниях непосредственного командира Л. Н. Толстого П. Н. Глебова об участии писателя в сражении вообще сказано уничтожительно: «...граф Толстой... таскается везде, где ему заблагорассудится; 4-го августа примкнул он ко мне, но я не мог употребить его *пистолетиков* в дело, так как занимал позицию батареями орудиями» [19, 66] (курсив мой. – В. К.).

Правда, составитель и комментатор двухтомника «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников» Г. В. Краснов считал, что автор воспоминаний описывал этот факт «неверно», поскольку он сам в своем «дневнике от 6 августа 1855 г. ... записал: “4-го августа, за час до рассвета (в 2¹/₂ часа) отряд начал движение с Мокрой–Луговины на Чоргун и Карловку... Две батареи, с двумя горными орудиями [Л. Н. Толстого. – Г. К.], повел я сам на Среднюю или Безымянную гору (Чоргунские высоты). Обе горы, Артиллерийскую и Среднюю – заняли мы без выстрела и благополучно снялись с передков. В это время уже рассветало, и мы тотчас же открыли огонь усиленный по неприятельским укреплениям...”. До этой атаки Толстой вместе с упомянутым отрядом совершил тяжелый переход по Каралескому ущелью» [19, 516]. Комментатор здесь, конечно, не прав, поскольку о степени участия писателя в «деле» несомненно следует доверять самому Л. Н. Толстому, его записям.

В любом случае изо всех этих записей следует главное: в сражении на Черной речке Л. Н. Толстой принимал непосредственное участие, был свидетелем происходящего, и оно его потрясло. Однако спустя несколько дней он уже говорил об этом спокойно и даже с некоторой долей иронии, что, в общем-то, понятно: вереница военных будней притупляет остроту не только прошедшего, но и происходящего. И все равно это спокойное и даже ироничное отношение к данному событию никак не объясняет характер анализируемой песни.

Реконструкция создания песни и установление принадлежности её Л. Н. Толстому дана в современных комментариях к ней Н. И. Бурнашёвой [5]. Как утверждает исследовательница, «наиболее вероятная» версия создания произведения приведена в «работах немецкого писателя Р. Лёвенфельда “Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведения и мирозерцание” и “Разговоры о Толстом и с Толстым”. Лёвенфельд дважды посещал Ясную Поляну, беседовал с Толстым, и сам Толстой поведал ему историю появления песни... <...> Идея песни возникла в лагере. Батареи офицеры сидели все вместе у костра и задумали петь круговую песню. Каждый по очереди должен был сочинить строфу. Но дело как-то не шло на лад; то, что приходило в голову, не стоило удерживать в памяти. На следующий день Толстой принес товари-

щам свое стихотворение. Песня была восторженно принята товарищами Толстого, и через несколько дней ее распевала вся севастопольская армия» [5, 546]. А если так, если действительно вскоре ее пели все, следовательно, она была сочинена буквально по свежим следам сражения, не более чем в течение пяти-семи суток после него, поскольку для того, чтобы песня распространилась, нужно время, а оно могло быть только до 27-го августа – дня последней бомбардировки. 28-го русскими Севастополь был оставлен, и новые настроения вовсе не способствовали ее распространению.

Поначалу свое авторство Л. Н. Толстой не афишировал и, по-видимому, даже пытался скрывать. На это отчасти указывают его письма. Так, например, 10-го ноября 1856 он писал брату Сергею: «Вел.<икий> Князь Михаил, узнав, что я, *будто бы*, сочинил песню, недоволен особенно тем, что, *будто бы*, я учил ее солдат» (90: 60, 107; курсив мой. – В. К.).

К тому же сложилось (и, видимо, не обосновательно) устойчивое мнение, что песня помешала писателю продолжить военную карьеру: «Взгляд на севастопольскую песню как на главное препятствие в военной карьере Толстого... приводят и один из первых биографов Евг. - Соловьев в книге “Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность” (СПб., 1894, с. 54), и даже “Энциклопедический словарь” (изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, СПб., т. XXXIII, 1901, с. 451), где С. А. Венгеров писал: “Окруженный блеском известности и пользуясь репутациею очень храброго офицера, Толстой имел все шансы на карьере, но сам себе “испортил” ее. Едва ли не единственный раз в жизни <...> он побаловался стихами: написал сатирическую песенку, на манер солдатских, по поводу несчастного дела 4 августа 1855 г., когда генерал Рead, неправильно поняв приказание командующего, неблагоприятно атаковал Федюхинские высоты. Песенка (“Как четвертого числа нас нелегкая несла горы забирать” и т. д.), задевавшая целый ряд важных генералов, имела огромный успех и, конечно, повредила автору”» [5, 550–551].

Нежелание Л. Н. Толстого говорить о своём авторстве привело к тому, что в 1857 году А. И. Герцен в Лондоне издал текст песни как фольклорное произведение.

В России же песня была опубликована гораздо позже. В 1904 году М. Н. Милошевич нашла в записках своего отца о Крымской войне текст с пометкой «гр. Толстой» и отправила писателю письмо, в котором спрашивала, действительно ли он автор этого произведения и песни «Как восьмого сентября...». Девятнадцатого февраля Л. Н. Толстой послал ей подтверждение: «...отвечаю, что песни эти точно сочинены мною... Песни эти, сколько мне помнится, никогда не были мною написаны, а заучивались со слов и изменялись и добавлялись. Список вашего батюшки, насколько мне помнится, верен. Против печатания этих

песен я, разумеется, ничего не имею» (90: 75, 43). В письме от 18 мая он уточняет, что «первая песня [имеется в виду песня 1854 года “Как восьмого сентября...”]. – В. К.] сочинена не мною одним, ... в сочинении ее принимали участие несколько человек» (90: 75, 106).

III.

Современниками песня часто называлась солдатской (или написанной на манер солдатских), а также веселой, вызывающей смех, шутовской, зло смешной, остроумным произведением, но чаще всего – песней-сатирой, сатирической песней. Это последнее определение стало постоянным и закрепилось в современных энциклопедиях. Так, В. - Я. Лакшин в «Краткой литературной энциклопедии» писал о том, что в Севастополе Л. Н. Толстой сочиняет «сатирич.<еские> “солдатские песни”» [20, стб. 550]. Это вполне определяет внешний характер песни, но не объясняет ее внутренней сути.

Невзирая на популярность песни среди солдат и офицеров (что утверждают современники), <«Севастопольская песня»> – не солдатская, то есть носит совсем не народный характер, и в этом смысле близка по отделке «Агитационным песням» К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева. Но настроение, ею передаваемое, другое.

Несмотря на ряд просторечных слов и выражений («нелегкая не-сла», «да спросту», «пока с духом он собрался» и т. п.), не говоря уже о непечатном выражении последнего куплета, в ее стилистике скорее подчеркивается карнавальным, маскарадным характер. А это уже литературные свойства, далекие от свойств произведений народного творчества.

В моем утверждении нет противоречия, поскольку, хотя карнавал, по М. М. Бахтину, не является формой литературы, а есть форма «обрядового характера», то есть все-таки явление фольклорное, тем не менее, когда писатель осуществляет «транспортировку карнавала на язык литературы», возникает феномен чисто литературного характера, который исследователь называет карнавализацией [1, 331]. Карнавализация включает в себя все признаки карнавального действия. То есть свойственные карнавалу признаки становятся признаками карнавализованного литературного произведения.

В. Е. Хализев, один из крупнейших современных теоретиков литературы, отмечал, что важнейшей стороной такого произведения становится «гротеск, который сформировался и упрочился в составе карнавальных празднеств, выступив в качестве пародийного, смехового “двойника” торжественно-патетической» гиперболы [32, 95].

«Карнавал – это зрелище без рампы и без разделения на исполнителей и зрителей», – пишет далее М. М. Бахтин. И подчеркивает: «В карнавале все активные участники, все причащаются карнавалному действию, <...> живут в нем, живут по его законам...». Поэтому «карна-

вальная... жизнь – это жизнь, выведенная из своей обычной колеи...» [1, 331].

Этот выход «из обычной колеи» связан прежде всего с тем, что «на время карнавала... отменяется прежде всего иерархический строй и все связанные с ним формы страха, благоговения, пиетета, этикета и т. п., то есть все то, что определяется социально-иерархическим и всяким иным... неравенством людей. Отменяется всякая дистанция между людьми, и вступает в силу особая карнавальная категория – вольный фамильярный контакт между людьми», что является «очень важным моментом карнавального мироощущения» [1, 332].

«Органически связана с категорией фамильярного контакта», считает М. М. Бахтин, «эксцентричность – ...особая категория карнавального мироощущения» [1, 332].

При этом «вольное фамильярное отношение распространяется на все: на все ценности, мысли, явления и вещи», – и доходит до «профанации», включающей в себя «карнавальные кощунства, целую систему карнавальных снижений и приземлений, карнавальные непристойности, связанные с производительной силой земли и тела [см. об этом: 13, 163], карнавальные пародии на священные тексты и изречения и т. п.» [1, 332].

Указывая на литературные проявления «фамильяризации», М. М. Бахтин замечает, что она существенно отражается «на организации сюжета и сюжетных ситуаций», определяет «особую фамильярность авторской позиции по отношению к героям (невозможную в высоких жанрах)», оказывает «могучее преобразующее влияние на самый словесный стиль литературы» [1, 332–333].

Говоря о бахтинской категории *карнавализации*, Ю. Кристева подчеркивает, что «карнавал ликвидирует субъекта: здесь обретает плоть структура автора как олицетворенной анонимности, автора творящего и в то же время наблюдающего за собственным творчеством, автора как “я” и как “другого”, как человека и как маски» [16, 443].

Это «выводит» автора к *сказовой форме*, один из вариантов которой авторы соответствующей статьи «Краткой литературной энциклопедии», со ссылкой на М. М. Бахтина, трактуют как такую, которая «обходится без введения реального рассказчика с его непосредственным данным в речевой ткани “первым лицом” (“Кавказский пленник” Л. Н. Толстого). Внешне она ближе к обычному “авторскому” лит.<ературному> повествованию, но именно она дает наиболее богатые возможности “игры” с чужим словом» [34, 876–877]. Современная исследовательница, обобщая знания о сказе, определяет его «как “двуголосое” повествование от лица персонажа-рассказчика, построенное на “чужом слове”, соотнесенном со словом авторским, с установкой на театрализованное воспроизведение устного, разговорного монолога героя-рассказчика, ориентированного на слушателя» [26, 236].

При всей правильности этих утверждений, представляется существенным уточнение Ю. Кристевой, «что в большинстве случаев автор сказа, прежде чем обратиться к устной речи, обращается к речи *другого*, а уж отсюда, как следствие, к его устной речи» [16, 430] (курсив Ю. Кристевой. – В. К.).

Исследовательница также уточняет момент *профанирования*, подчеркивая, что «карнавальная смех – это не просто пародирующий смех; комизма в нем ровно столько же, сколько и трагизма; он, если угодно, серьезен, и потому принадлежащее ему сценическое пространство не является ни пространством закона, ни пространством его пародирования; это пространство своего *другого*. Современное письмо дает нам ряд поразительных примеров той универсальной сцены, которая есть и закон, и его *другое*, – сцены, где смех замирает, ибо он – вовсе не пародия, но *умерщвление и революция*» [16, 444–445] (курсив Ю. Кристевой. – В. К.).

Вот это последнее в первую очередь и характерно для <<Севастопольской песни>>. Не случайно «по воспоминаниям Н. А. Тучковой-Огаревой, у Герцена в Лондоне (март 1861 г.) Толстой, когда был в хорошем настроении, “пел, аккомпанируя себе на фортепиано, солдатские песни, сочиненные им в Крыму во время войны... Слушая его, – писала она, – *мы много смеялись, но, в сущности, было тяжело слушать о всем, что делалось тогда в Крыму*”» [5, 551] (курсив наш. – В. К.).

IV.

У Л. Н. Толстого читатель сталкивается как раз с *профанированием* и *сказовостью*. Сказовость подчеркивается народным (солдатским) стилем повествования, травестированием лирического героя; это-то и делает автора «творящим и в то же время наблюдающим за собственным творчеством» [16, 443].

Что же касается профанирования, то уже в первой строфе:

*Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать (bis) (100: 2, 241),** –*

усматривается не только оценка предприятия как пустого, зряшного, что и обозначает фразеологизм «нелегкая несла», но благодаря контексту слово «нелегкая» прочитывается в соответствии с толкованием В. - И. Даля: «нелегкая сила, неладная, недобрая, нечистая, вражеская, бесовская» [10], – то есть все словосочетание воспринимается в значении «черт понес». Армейское командование, поведшее солдат «горы отбирать», таким образом, это – «нечистая, вражеская, бесовская» сила. Профанирующий подход к генералитету и событиям, заявленный в первой же строфе, и задает тональность всему последующему тексту.

Так, генерал барон Вревский «пристает» к князю Горчакову только тогда, когда находится в легком подпитии – подшофе. В другом состоянии он, видимо, обращается с требованиями и угрозами к командующему боится:

*Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал,
Когда под-шафе: (bis)*

*«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу» (bis) (100: 2, 241).*

И дипломатический в своей основе разговор двух высокопоставленных особ приобретает черты кабацкой пьяной болтовни и упреков, наподобие нетрезвого выяснения, кто кого уважает: не уважишь – будет ссора – донесу.

В смешном и нелепом, умаляющем достоинство армейского генералитета духе изображен совет перед сражением:

*Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-Беккок (bis).*

*Полицмейстер Плац-Беккок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать (bis) (100: 2, 241).*

Едва ли не главным лицом совета оказывается генерал-полицеймейстер главного штаба Южной армии А. П. Плац-бек-Коккум, которого, судя по всему, и на совете-то не было. Да и что делать на военном совете полицеймейстеру, в обязанности которого входит следить за порядком в армейских частях? Поэтому он и не может «выдумать», «что ему сказать».

Совершенно в духе досужих сплетен звучит фраза «собирались на советы», хотя речь идет только об одном совещании. Несомненной находкой Л. Н. Толстого является метонимия «большие эполеты» в значении «генералитет». Она подчеркивает, с одной стороны, высокий статус участников, но с другой – подменяет людей их значимостью, а следовательно, делает их не боевыми генералами, исполненными высоких помыслов и устремлений во благо Отечества, а бездушными существами в мундирах, исполняющими предписанные им действия.

Поэтому именно таким, исполненным механистическими действиями, и выглядит весь военный совет:

*Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
На большом листу (bis) (100: 2, 241).*

В свете предыдущих строк песни слова «думали, гадали» воспринимаются именно в значении «механистично, бестолково», тем более, что писали-то «на большом листу», а толку чуть:

*Чисто вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
Как по ним ходить (bis) (100: 2, 241).*

Афористичная ценность и поэтому популярность этой фразы как раз в подчеркнутой противопоставленности слова и дела, причем слова необдуманного, но зато «гладко» сказанного и поэтому «гладко вписанного», тем более, что по оврагам придется ходить вовсе не тому, кто это слово произносил.

Сам способ профанирования событий в следующих строках подчеркивается демонстративно-игровым характером происходящего. Члены военного совета вместе с «топогрбфами» превращаются в марионеток, которых дергает за ниточки ими самими созданный план:

*Выезжали князя-графы,
А за ними топографы
На большой редут (bis) (100: 2, 241).*

Сцена имеет подчеркнута торжественный вид – вид очень значительного события: как-никак выезд видных сановников в сопровождении свиты. Снижается картина опять метонимическим приемом: перед нами не военачальники, а «князя-графы», то есть даже не люди, а наследственные титулы. Сквозь призму этих высоких титулов военачальники и воспринимаются, что значительно снижает (если вообще не снимает) их армейскую значимость. Свита же, состоящая из «топогрбфов», вообще выглядит комично и еще более снижает значительность «князей-графов».

Далее начинается прямо-таки драматическое действие. Если все предыдущее было экспозицией, то здесь следует завязка конфликта:

*Князь сказал: «Ступай, Липранди».
А Липранди: «Нет-с, атанде,
Нет, мол, не пойду (bis).*

*Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада,
А я посмотрю» (bis) (100: 2, 241).*

Любопытно, что автор переводит конфликт из ожидаемой плоскости (русские войска – войска коалиции) в плоскость нелепых препирательств между генералами, и даже вовсе невероятных – особенно в период военных действий – пререканий боевого генерала с командующим («Нет, мол, не пойду»), притом с переходом на личности: по тексту П. П. Липранди восхваляет себя («умного»), противопоставляя Н. А. Реаду (читай – глупому).

Чтобы глубже понять, в чем здесь заключается суть профанирования событий, необходимо помнить, что, во-первых, П. П. Липранди являлся одним из несомненных героев Восточной войны – автором единственного удачного для русской армии в Крыму Балаклавского сражения 13 (25) октября 1854 года, которое могло изменить ход войны, но не принесло зримого результата только потому, что главнокомандующий князь А. С. Меншиков вовремя не оказал атаковавшим воинской поддержки. Л. Н. Толстой в письме тетушке Т. А. Ергольской от 17–18 октября 1854 года писал, что когда «узнали о победе Липранди», «все выглядели именинниками» (90: 59, 278–279). 26 ноября 1854 года по случаю назначения П. П. Липранди «командующим войск в Севастополе», писатель записывает в дневнике: «Слава Богу! ...он любим и популярен, и популярен, не е[.....] матерью, а распорядительностью и умом» (90: 47, 32). П. П. Липранди, таким образом, был, может быть, самым талантливым, самым умным и самым опытным военачальником из всего севастопольского генералитета, почему его и трудно заподозрить в том комическом высокомерном отношении и к генералу Н. А. Реаду, и к М. Д. Горчакову (командующему! – что для боевого генерала в пылу сражения уж и вовсе невозможно!), которое проявляется в песне.

Во-вторых, и сюжетное содержание этих строк, и песенные «слова» П. П. Липранди открыто диссонируют с трагической судьбой генерала Н. А. Реада, павшего в сражении на Черной речке. Служба на Кавказе под началом князя М. С. Воронцова, на фронтах Восточной войны характеризует его как храброго, разумного, толкового военачальника. Не все до сих пор ясно с распоряжениями Н. А. Реада и действиями его подразделений во время последнего для него сражения. Известно только истолкование событий М. Д. Горчаковым в отчете о событиях этого дня, направленном императору. Что же касается непосредственных участников боя, то убит был не только Н. А. Реад, но также его начальник штаба и практически все старшие офицеры, поэтому истолковывать события с этой стороны было некому.

Л. Н. Толстой, таким образом, дал полную волю своей карнавалыно-маскарадной фантазии и не изобразил здесь, как, впрочем, и в предыдущем и последующем тексте, действительных исторических персонажей и ситуаций, а показал вызванный горечью поражения их гротесково-фарсовую художественную интерпретацию – несомненное профанирование событий.

Особенно примечательно употребление в тексте песни, и притом в воображаемых словах П. П. Липранди, отвечающего М. Д. Горчакову, французского слова «атанде». Здесь несомненна связь с известным пушкинским эпиграфом к VI главке «Пиковой дамы»:

«– *Атбнде!*

– Как вы смели мне сказать *атбнде?*

– Ваше превосходительство, я сказал *атбнде-с!*» [27, 249].

Подчеркну, что в эпиграфе обращение «ваше превосходительство» указывает именно на генеральское звание, и это абсолютно точно сближает два текста. К тому же частица «-с» – требуемая в пушкинском тексте «его превосходительством» вежливая форма обращения – хоть и не прилеплена к *атанде*, но все равно фигурирует в песне («Нет-с, атанде»), отсылая к первоисточнику.

При этом знаковым является тот факт, что в комментариях В. Б. Томашевского к слову *атанде* указывается, что это «русифицированная форма произношения французского слова *attendez*», но что особенно существенно – «карточный термин, в значении “не делайте ставки”» [31, 530]. Поэтому получается, что генералы разговаривают между собой на привычном им языке карточной игры, а само сражение и его участники также превращаются в игру и игроков. «Умный» П. П. Липранди, таким образом, не готов делать ставки и предлагает сделать их, заведомо невыигрышные, Н. А. Реаду, который им поэтому и воспринимается неумным. Добавлю к тому же, что моя параллель между сражением и карточной игрой выглядит тем убедительнее, что Л. Н. Толстой в это время был азартным карточным игроком и проигрывал большие суммы (о чем свидетельствуют его дневник и письма), впрочем, как и многие его сослуживцы, которым тонкости смысла «фразы Липранди» не нужно было объяснять.

Следующие три песенных куплета демонстрируют усугубление конфликтной ситуации разнонаправленными действиями генералов:

Вдруг Реад возьми, да спросту,

И повел нас прямо к мосту:

«Ну-ка, на уру» (bis).

Мартенау умолял,

Чтоб резервов обождал, –

«Нет, уж пусть идут» (bis).

*Генерал же Ушаков,
Тот уж вовсе не таков,
Все чего-то ждал! (bis)*

*Долго ждал он дожидался,
Пока с духом он собрался
Речку перейти (bis) (100: 2, 241–242).*

Карнавальная веселость здесь достигается не только изображением абсурдности происходящего, но и сниженной, просторечной лексикой и фразеологией, характерной для *сказа*, создающей, в сопоставлении с трагичностью реальных событий и с социальным положением действующих лиц, комический эффект: «да спросту», «на уру», «обождал», «не таков», «ждал... дожидался», «с духом... собрался».

А в следующих строках происходит известный перелом, о котором писала Ю. Кристева, говоря о тех сценах в произведении, «где смех замирает».

На уру мы зашумели (100: 2, 242), –

это последняя «веселая» строчка. А дальше: «резервы не поспели», «Кто-то переврал», «Нас пришло всего три роты, / А пошли полки», «Наше войско небольшое, / А француза было втрое / И секуреу тьма», «Ждали – выйдет с гарнизона / Нам на выручку колонна» (100: 2, 242)... Прошу обратить внимание на стилистику фраз, из которых уже исчезла просторечная лексика: шутки кончились, началась настоящая схватка.

На фоне этой трагической неразберихи события последующих куплетов песни, описывающих действия генералов Остен-Сакена и Белевцева, воспринимаются уже вовсе не весело, а глупо и нелепо:

*А там Сакен-генерал
Всё акафисты читал
Богородице (bis) (100: 2, 242).*

О пристрастии генерал-адъютанта Д. Е. Остен-Сакена (командовавшего севастопольским гарнизоном) к акафистам (церковным хвалебным песнопениям) можно прочитать в рассказе «Фигура» Н. С. Лескова, созданном не без участия Л. Н. Толстого.

Тридцать первого апреля 1889 года Н. С. Лесков прислал Л. Н. Толстому корректуру своего рассказа «Фигура» с просьбой исправить и дополнить фрагменты, касающиеся Д. Е. Остен-Сакена: «Не укажете ли в корректуре: где и что уместно припустить для вкуса и ясности о Сакене, которого Вы, – я думаю, – знали и помните. Пожалуйста, не

откажете в этом, если можно...». Толстой сообщил (письмо это, к сожалению, не сохранилось) автору некоторые подробности о характере и поведении набожного генерал-адъютанта [21, 623]. И, опираясь на сообщение Л. Н. Толстого, Н. С. Лесков характеризовал Д. Е. Остен-Сакена следующим образом: «Он ведь был страшно богомолен: непременно каждый день читал утренние и вечерние молитвы и три акафиста, а то иногда зайдетя до бесконечности. Случалось, до того уставал на коленях стоять, что даже падал и на ковре ничком лежал, а все молился. Мешать ему или как-нибудь перебить молитву считалось – Боже сохрани! На это, кажется, даже при штурме никто бы не отважился, потому что помешать ему – все равно что дитя разбудить, когда оно не выспалось. Начнет кукситься и капризничать, и тогда его ничем не успокоишь. Адъютанты у него это знали, – иные и сами тоже были богомолы – другие притворялись. Он не разбирал и всех таких любил и поощрял... Тогда между военными ходили разные нелепые слухи о Сакене: одни говорили, будто он имеет видения и знает от ангела – когда надо начинать бой; другие рассказывали вещи еще более чудные» [21, 476–477].

Однако, что касается сражения на Черной речке, то Н. И. Бурнашева в комментариях к песне хоть и отмечает, что «известная набожность Остен-Сакена нередко становилась предметом скрытой или даже явной насмешки офицеров», однако утверждает: это «незаслуженный упрек Д. Е. Остен-Сакену, который не слышал сигнала не потому, что “акафисты читал”, а потому, что Горчаков не подал этого сигнала» [5, 564].

И наконец, что касается следующих слов песни:

*А Белевцев-генерал,
Он все знамя потрясал,
Вовсе не к лицу (bis) (100: 2, 242), –*

то о роли генерала Белевцева в заключительной части сражения, когда, размахивая знаменем, чтобы сражавшиеся узнали в нем своего, он собирал оставшихся в живых солдат, я уже писала, рассказывая об общем ходе сражения. Почему у Л. Н. Толстого появилась фраза «вовсе не к лицу» (то есть «глупо», «нелепо»), объяснить можно только тем, что ситуация осталась для многих участников неразъясненной, а в обычном понимании, конечно, «знамя потрясать» – вовсе не генеральское дело. Эпизод этот, таким образом, тоже удачно вписывался в карнавальный контекст.

В последнем же куплете, совсем по Ю. Кристевой, «вовсе не пародия, но умерщвление и революция»:

*И пришлось нам отступать.
Р..... же ихню мать (90: 4, 308),
Кто туда водил (bis) (100: 2, 242).*

Первая строчка куплета – именно «умерщвление», поскольку событие горестно, смертельно в самой своей сути (первоначальный замысел полностью перечеркнут, «умерщвлен»).

А две последние строчки – революция – переход в другое состояние, так как ругательство, заключенное в них, вызвано вовсе не карнавальным весельем, но отчаянием, связанным со «смертью».

Таким образом, **карнавальная веселость перешла в свою противоположность. Полный цикл карнавализации оказался завершен.**

«Революционностью» песни (перетеканием карнавальности в свою противоположность, наличием в песне как карнавального, так и противоположного ему начал), на мой взгляд, прежде всего и объясняется её популярность. Никто никогда не воспринимал этот текст в качестве безусловной «сатиры», но только и исключительно как произведение, изображающее горестное событие единственно возможным способом – в смешном виде, причем только для того, чтобы окончательно не впасть в уныние от произошедшего.

Именно поэтому она быстро распространилась в Крымской армии. Более того, шагнула далеко за пределы Севастополя. Двадцатилетний Н. А. Добролюбов 23 января 1856 года записал в своем дневнике песню Л. Н. Толстого и песню «Как восьмого сентября...» и отметил: «Не знаю, как в Крыму, но в Петербурге эти песни имеют большой успех. Их читают и списывают. Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть» [11, 420].

Примечания

* Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1964. – Т. 1–90. Ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с пометкой 90: первая цифра указывает номер тома, последующие – страницу или страницы;

** Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений. В 100 т. Художественные произведения. В 18 т. М.: Наука, 2000–... . Ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с пометкой 100: первая цифра указывает номер тома, последующие – страницу или страницы.

Список использованных источников

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества, поэтики Достоевского. Киев: Фирма «Next», 1994. 511 с.

2. Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. В 4 т. Т. 3. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Режим доступа: <http://www.adjudant.ru/crimea/bogdan33.htm> (дата обращения 12.02.2014).

3. Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. В 4 т. Т. 4. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Режим доступа: <http://ординарец.рф/crimea/bogdan-app04.htm> (дата обращения 12.02.2014).
4. Бурба Д.В., Драгунов А.В. Крымские дороги графа Льва Толстого – офицера, писателя, мыслителя, человека / под ред. С.О. Курьянова, В.В. Курьяновой. Симферополь: Бизнес-информ, 2011. 336 с.
5. Бурнашева Н.И. «<Как четвертого числа...>» [Комментарии] // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 100 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 544–564.
6. Венюкова С.В. Севастополь в жизни и творчестве Льва Толстого. Севастополь, 2000. 122 с.
7. Вуль Р.М. Лев Толстой на Крымской земле // Дегтярев П.А., Вуль Р.М. У литературной карты Крыма: Литературно-краеведческие очерки. Симферополь: Издательство «Крым», 1965. С. 50–60.
8. Выгон М.И. Крымские страницы жизни и творчества Л.Н. Толстого: биография отдельного лица – литературный материал. Симферополь: Таврия, 1978. 157 с.
9. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / Отв. ред. М. К. Добрынин. М.: Издательство АН СССР, 1954. 720 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка ON-LINE. Режим доступа: <http://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm> (дата обращения 17.12.2014).
11. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1939. 851 с.
12. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. В 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1900. С. 344–381.
13. Загибалова М.А. Смеховое начало как «стержневая» категория карнавальности // Вестник ВолГУ: Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2008. № 1 (7). С. 143–154.
14. Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии. В 3 т. Т. 3. СПб.: Издательство «Полигон», 2003. С. 3–181.
15. Красовский И. [И.] Из воспоминаний о войне 1853–1856 годов. Дело на Черной речке 4 Августа 1855 года и князь Михаил Дмитриевич Горчаков // Русский архив. 1874. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 207–222.
16. Кристева Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: ИГ «Прогресс», 2000. С. 427–457.
17. Кунцевская Г.Н. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был русский народ». Л.Н. Толстой (1828–1910) // Кунцевская Г.Н. Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей. Симферополь: Таврия, 2008. С. 118–193.

18. Курьянов С.О. Литературная слава Крыма // С.О. Курьянов, З.Г. Левицкая, Д.А. Лосев Крым от древности до наших дней / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС»; ИД «Коктебель», 2010. С. 385–418.

19. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1 / Ред. С.А. Макашин. М.: Художественная литература, 1978. 621 с.

20. Лакшин В.Я. Толстой Л.Н. // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 7. Стб. 548–566.

21. Лесков Н.С. Фигура // Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 8 / под общей ред В.Г. Базанова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 463–486.

22. Надинский П.Н. Л.Н. Толстой в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1948. 80 с.

23. Новикова А.М. Подпольные песни эпохи революционных демократов шестидесятых годов XIX века // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской, 1960. Т. 86. С. 47–133.

24. Новикова А.М. Севастопольские песни Л.Н. Толстого // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1963. Т. 122. С. 3–47.

25. Опульский А.И. Л.Н. Толстой в Крыму. Симферополь, 1960. 96 с.

26. Осьмухина О.Ю. Сказ // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 236–237.

27. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1948. 496 с.

28. Срезневский В.И. Материалы Севастопольского периода: Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 4. М.; Л.: Гос. изд-во, 1932. С. 418–423.

29. Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне. (Дело на реке Черной) // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 5. Стб. 1358–1368.

30. Тарле Е.В. Крымская война. В 2 тт. Т. 2. Режим доступа: <http://www.adjudant.ru/crimea/tarle2-17.htm> (дата обращения 12.04.2014).

31. Томашевский Б.В. Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. – Л.: Наука, 1978. С. 511–559.

32. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

33. Хандросс Л. Рукописный сборник шестидесятых годов: Заметки краеведа // Уральский рабочий, Свердловск. 1959. 13 мая.

34. Чудаков А.П. Сказ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6 / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1971. С. 876–877.

35. Шумов В. Песни Л.Н. Толстого: К 50-летию со дня смерти писателя // Вечерний Ростов, Ростов-на-Дону. 1960. 14 ноября; Кабардино-Балкарская правда, Нальчик. 1960. 18 декабря.

SEVASTOPOL SONG, OR THANKS A NOVICE WRITER
LIEUTENANT EARL L.N. TOLSTOY BLOODY BATTLE ON
THE CHERNAYA RIVER OUTSIDE SEVASTOPOL,
ACQUIRED A CARNIVAL CHARACTER

Valeriya Viktorovna Kuryanova,

*Ph.D., Philosophy Doctor of
Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: kuryanova_v@mail.ru*

For the first time in the native studies of literature carried out a detailed literary analysis of the song Tolstoy <“Fourth number...”> and proved its carnival nature.

Keywords: *the train, the man-laying, scotwest, L.N. Tolstoy, M.M. Bakhtin.*

References

1. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva, poetiki Dostoyevskogo [Problems of creativity of Dostoyevsky's poetics]. Kiev, Next Publ., 1994. 511 p.
2. Bogdanovich M.I. Vostochnaya voyna 1853–1856 godov. V chetyryoh tomah [Eastern war of 1853-1856]. St. Petersburg, Typography M.M. Stasyulevicha, 1877. Vol. 3. Available at: <http://www.adjudant.ru/crimea/bogdan33.htm>, accessed 12.02.2014.
3. Bogdanovich M.I. Vostochnaya voyna 1853–1856 godov. V chetyryoh tomah [Eastern war of 1853-1856]. St. Petersburg, Typography M.M. Stasyulevicha, 1877. Vol. 4. Available at: <http://ординарец.рф/crimea/bogdan-app04.htm>, accessed 12.02.2014.
4. Burba D.V., Dragunov A.V. Krymskie dorogi grafa Lva Tolstogo – oficera, pisatelya, myslitelya, cheloveka [Crimean roads count Leo Tolstoy – officer, writer, thinker, person] / Ed. S.O. Kuryanov, V.V. Kuryanova. Simferopol, Biznes-inform Publ., 2011. 336 p.
5. Burnasheva N.I. <“Kak chetvertogo chisla...”>. Kommentarii [<“As the fourth number...”>. Comments] // Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy. V sta tomah [Tolstoy L.N. Complete works. In 100 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2002. Vol. 2. Pp. 544–564.
6. Venyukova S.V. Sevastopol v zhizni i tvorchestve Lva Tolstogo [Sevastopol in the life and work of Leo Tolstoy]. Sevastopol, 2000. 122 p.
7. Vul R.M. Lev Tolstoy na Krymskoy zemle [Leo Tolstoy in the Crimean land] // Degtyarev P.A., Vul R.M. U literaturnoy karty Kryma: Literaturno-kraevedcheskie ocherki [A literary map of the Crimea: a Literary and local lore essays]. Simferopol, Publishing House “Crimea”, 1965. Pp. 50–60.
8. Vygon M.I. Krymskie stranicy zhizni i tvorchestva L.N. Tolstogo: biografiya otdelnogo lica – literaturnyi material [The Crimean pages of life and creativity of Leo Tolstoy: biography of an individual 6• literary material]. Simferopol, Tavriya Publ., 1978. 157 p.

9. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoy: Materialy k biografii s 1828 po 1855 god [Leo Tolstoy: materials for the biography from 1828 to 1855] / Ed. M.K. Dobrynin. Moscow, The Sciences Academy of The USSR Publ., 1954. 720 p.

10. Dal V.I. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V chetiryoh tomah. [Explanatory dictionary of living great Russian language. In 4 volumes]. Available at: <http://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm>, accessed 17.12.2014.

11. Dobrolyubov N.A. Polnoe sobranie sochineniy. V shesti tomah [Complete works. In 6 volumes]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939. Vol. 6. 851 p.

12. Dubrovin N.F. Istoriya Krymskoy voiny i oborony Sevastopolya. V tryoh tomah [The history of the Crimean war and defense of Sevastopol. In 3 volumes]. St. Petersburg, Typography "Obshhestvennaya polza" ["Public benefit"], 1900. Vol. 3. Pp. 344–381.

13. Zagibalova M.A. Smehovoe nachalo kak "sterzhnevaya" kategoriya karnavalnosti [Laughter begins as the "core" category of carnivalness] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Volgograd State University]. Series 7, 2008. No 1 (7). Pp. 143–154.

14. Zayonchkovskiy A.M. Vostochnaya voina 1853–1856 godov [The Eastern war of 1853-1856] // Istoriya russkoy armii. V tryoh tomah [The history of the Russian army. In 3 volumes]. St. Petersburg, Publishing House "Polygon", 2003. Vol. 3. Pp. 3–181.

15. Krasovskiy I. [I.] Iz vospominaniy o voine 1853–1856 godov. Delo na Chernoy rechke 4 Avgusta 1855 goda i knyaz Mikhail Dmitrievich Gorchakov [From the memories of the war of 1853-1856. The case on the Chernaya river on 4 August 1855 and Prince Mikhail Dmitrievich Gorchakov] // Russian archive. 1874. Book 2. Vol. 7. Col. 207–222.

16. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel] // Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French semiotics: From structuralism to poststructuralism]. Moscow, Publishing House "Progress", 2000. Pp. 427–457.

17. Kuncovskaya G.N. "Nadolgo ostavit v Rossii velikie sledy eta epopeya Sevastopolya, kotoroy geroem byl russkiy narod". L.N. Tolstoy (1828–1910) ["Will long remain in Russia, great traces of this epic of Sevastopol, which the hero was the Russian people." Leo Tolstoy (1828-1910)] // Kuncovskaya G.N. Blagoslovennaya Tavrida. Krym glazami velikih russkih pisateley [Blessed Taurida. Crimea eyes of the great Russian writers]. Simferopol, Publishing House "Tavriya", 2008. Pp. 118–193.

18. Kuryanov S.O. Literaturnaya slava Kryma [Literary glory of the Crimea] // S.O. Kuryanov, Z.G. Levickaya, D.A. Losev Krym ot drevnosti do nashih dney [Crimea from ancient times to the present day] / Ed. Ye.B. Petrova. Simferopol, Publishing House "ChernomorPRESS"; Publishing House "Koktebel", 2010. Pp. 385–418.

19. L.N. Tolstoy v vospominaniyah sovremennikov. V dvuh tomah [Leo Tolstoy in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes] / Ed. S.A. Makashin. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978. Vol. 1 621 p.

20. Lakshin V.Ya. Tolstoy L.N. // Kratkaya literaturnaya enciklopediya [Brief literary encyclopedia] / Ed. A.A. Surkov. Moscow, Sovyetskaya enciklopediya Publ., 1971. T. 7. Col. 548–566.

21. Leskov N.S. Figura ["Figura"] // Leskov N.S. Sobranie sochineniy. V odinnadcati tomah [Works. In 11 volumes] / Ed. V.G. Bazanov. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958. Vol. 8. Pp. 463–486.

22. Nadinskiy P.N. L.N. Tolstoy v Krymu [L.N. Tolstoy in Crimea]. Simferopol, Crimean Publishing House, 1948. 80 p.

23. Novikova A.M. Podpolnye pesni epohi revolyucionnykh demokratov shestidesyatyh godov XIX veka [Songs of the Underground era of the revolutionary democrats of the sixties of the XIX century] // Scientific notes of the Moscow regional pedagogical N.K. Krupskaya Institute, 1960. Vol. 86. P. 47–133.

24. Novikova A.M. Sevastopolskie pesni L.N. Tolstogo [Sevastopol songs by L.N. Tolstoy] // Scientific notes of the Moscow regional pedagogical N.K. Krupskaya Institute, 1963. Vol. 122. Pp. 3–47.

25. Opulskiy A.I. L.N. Tolstoy v Krymu [L.N. Tolstoy in Crimea]. Simferopol, 1960. 96 p.

26. Osmukhina O.Yu. Skaz // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2007. No 4. Pp. 236–237.

27. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy. V shestnadcatti tomah [Complete works. In 16 volumes]. Moscow–Leningrad, The Sciences Academy of The USSR Publ. 1948. Vol. 8. 496 p.

28. Sreznevskiy V.I. Materialy Sevastopolskogo perioda: Pesnya pro srazhenie na reke Chernoy 4 avgusta 1855 goda [Materials Sevastopol period: Song about the battle of the Chernaya river on August 4, 1855] // Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy. V devyanosta tomah [Complete works. In 90 volumes]. Moscow–Leningrad, Gosizdat, 1932. Vol. 4. Pp. 418–423.

29. Stolypin D.A. Iz lichnykh vospominaniy o Krymskoy voine. (Delo na reke Chernoy) [From personal memories of the Crimean war. (Case on the Chernaya river)] // / The Russian archive. 1874. Book. 1. Vol. 5. Col. 1358–1368.

30. Tarle Ye.V. Krymskaya voina. V dvuh tomah [Crimean War. In 2 volumes]. Vol. 2. Available at: <http://www.adjutant.ru/crimea/tarle2-17.htm> accessed 12.04.2014.

31. Tomashevskiy B.V. Primechaniya [Notes] // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy. V desyati tomah [Complete works. In 10 volumes]. Leningrad, Nauka Publ. 1978. Vol. 8. Pp. 511–559.

32. Halizev V.Ye. Teoriya literatury [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. 398 p.

33. Handross L. Rukopisnyi sbornik shestidesyatyh godov: Zаметki kraevedа [Manuscript collection of the sixties: Notes of the local historian] // Ural worker, Sverdlovsk. 1959. May 13th.

34. Chudakov A.P. Skaz // Kratkaya literaturnaya enciklopediya [Brief literary encyclopedia] / Ed. A.A. Surkov. Moscow, Sovyetskaya enciklopediya Publ., 1971. Vol. 6. Pp. 876–877.

35. Shumov V. Pesni L.N. Tolstogo: K 50-letiyu so dnya smerti pisatelya [Songs by L.N. Tolstoy: the 50th anniversary since the death of the writer] // Vecherniy Rostov, Rostov-na-Donu, 1960. November 14th; Kabardino-Balkarskaya pravda, Nalchik, 1960. December 18th.